

HAL
open science

Монастырские тюрьмы в Средние века и в Новое время (XIII–XVIII века)

Elisabeth Lusset

► To cite this version:

Elisabeth Lusset. Монастырские тюрьмы в Средние века и в Новое время (XIII–XVIII века). Deutsches Historisches Institut. Монастырь и тюрьма. Места заключения в Западной Европе и в России от Средневековья до модерна, К. Makhotina dir., 2023. <hal-03919480>

HAL Id: hal-03919480

<https://hal.science/hal-03919480>

Submitted on 4 Dec 2023

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Элизабет Люссе

МОНАСТЫРСКИЕ ТЮРЬМЫ
В СРЕДНИЕ ВЕКА И В НОВОЕ ВРЕМЯ
(XIII–XVIII ВЕКА)

Об устройстве тюрем в монастырях при Старом порядке известно до сих пор очень мало. Объясняется это не только недостатком документов, в самом деле редких и разрозненных, но и нежеланием историков изучать этот вопрос, поскольку эти историки до определенного времени все без исключения были воспитаны в лоне Церкви. Хотя известно, что подобные тюрьмы появились уже в эпоху поздней Античности, долгое время считалось, что они несовместимы с духовностью, отличающей добровольный уход от мира, а потому их история, равно как и история других дисциплинарных монастырских практик, тщательно замалчивалась. В 1960–1970-х годах, после выхода трудов Ирвинга Гофмана и Мишеля Фуко, констатировавших сходство между монастырями и другими местами лишения свободы, такими как лечебница для умалишенных или тюрьма¹, появилось несколько работ, посвященных непосредственно монастырским тюрьмам. Однако авторы обобщающих исследований по истории тюрем в 1990-х годах по-прежнему игнорировали этот сюжет. В главах, посвященных Старому порядку, речь идет исключительно о светских тюрьмах, что же касается тюрем церковных, если они и упоминаются — в основном для иллюстрации влияния канонического права, — то, как правило, без дифференциации их разновидностей, в результате чего монастырские тюрьмы

---

¹ Penco 1966; Pugh 1968; Leclercq 1971; Leclercq 1976; Pacho 1975. О сходстве монастыря и тюрьмы см.: Heullant-Donat et al. 2011.

смешиваются с другими церковными тюрьмами (прежде всего тюрьмами инквизиции и церковного суда)¹. Вдобавок авторы этих обобщающих трудов, как правило, ограничиваются пересказом сочинения бенедиктинца Жана Мабийона «Размышления о тюрьмах религиозных орденов». Сочинение это, написанное около 1695 года, носит полемический характер; Мабийон написал его ради того, чтобы призвать к реформированию монастырских тюрем в Конгрегации Святого Мавра, к которой принадлежал сам; между тем начиная с 1724 года, когда «Размышления» Мабийона были опубликованы, они считались ученым трудом и использовались в этом качестве в других ученых трудах, начиная со статьи «Тюрьма» в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера (1765) и кончая историографией 1990-х годов². Лишь в 2000-х годах в контексте общего оживления интереса к проблеме тюрем начинают появляться исследования, рассматривающие с разных точек зрения непосредственно монастырские тюрьмы³. В нашей статье мы представим основные положения этих работ, сосредоточившись преимущественно на наказании монахов и монахинь лишением свободы с XIII по XVIII век на Западе, прежде всего во Франции и Англии, а также в Германской империи.

1. ОБНОВЛЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Если авторы работ предшествующего периода, как правило, не отличали одни церковные тюрьмы от других, то исследователи 2000–2010-х годов четко ограничивают монастырские тюрьмы от тюрем епископских или принадлежащих инквизиции⁴ и обращают внимание на статус заключенных (представители черного или белого духовенства либо миряне)⁵, а также и на различные формы наказания лишением свободы. Для монахов

¹ Spierenburg 1991; Castan et al. 1991; Morris, Rothman 1995; Johnston 2000; Dunbabin 2002.

² Lusset (в печати).

³ Claustre 2007; Geltner 2008b; Cassidy-Welch 2011; Abdela 2019; Charageat et al. (в печати).

⁴ Beaulande-Barraud 2011; Saule 2016; Given 2011.

⁵ Cassidy-Welch 2001; De Jong 2001; Hillner 2007; Geltner 2008a; Hillner 2015; Reno 2017; Cavero Domínguez 2017; Charageat et al. (в печати).

это наказание знает разные степени тяжести: самое легкое — содержание в определенном месте внутри монастыря, отведенном специально для отбывающих наказание, затем содержание в «уединенном месте» и, наконец, заключение в самую настоящую тюрьму¹. Впрочем, авторы недавних работ предпочитают сравнительный анализ внутри длительного периода изучению определенных типов религиозных сообществ. Сравнению подвергаются монастырские правила раннего Средневековья, типы религиозной жизни (монахи, каноники, отшельники), монастыри мужские и женские и т. д. Кроме того, исследователи стараются, выйдя за рамки строгого интернализма, вписать монастырские тюрьмы в более общий контекст и с этой целью сопоставляют их с другими тюрьмами, как церковными, так и мирскими².

Новое в исследование монастырских тюрем внес прежде всего анализ нормативных текстов. К правилам и канонам Вселенских соборов раннего Средневековья прибавляются начиная с X–XI веков, сборники обычаев. Затем, в XI–XII веках институционализация религиозных сообществ приводит к возникновению религиозных орденов (цистерцианцы, премонстранты, клюнийцы и т. д.), которые присваивают себе право управления и надзора (генеральный капитул, инспекционные поездки по монастырям, именуемые визитами, и пр.)³. Религиозные ордена создают новые нормы (статуты, конституции или постановления генеральных капитулов), регулярно объединяемые в сборники⁴. Выработка этого внутреннего монастырского права вписывается в контекст общего бурного развития церковного права, и в частности папских декреталий⁵. С XV по XVII век реформаторские движения в монастырском мире, а затем Реформация приводят к возникновению новых религиозных орденов и конгрегаций, а это способствует умножению нормативных актов черного духовенства⁶. При изучении

¹ Lehner 2013; Lusset 2017.

² Heullant-Donat et al. 2011; Heullant-Donat et al. 2015; Heullant-Donat et al. 2017; Heullant-Donat et al. 2017.

³ Oberste 1996; Füser 2000; Cygler 2002.

⁴ Heullant-Donat et al. 2015.

⁵ Dannenberg 2008.

⁶ Hurel 2015.

этих текстов историки могут пользоваться такими орудиями поиска, как *Codex Regularum Monasticarum et Canoniarum* Лукаса Хольста (1758–1759), но чаще всего им приходится на свой страх и риск погружаться в изучение огромного множества документов разрозненных и плохо изученных. Между тем только исследовав, какие изменения постоянно вносились в монастырское право, можно понять, как эволюционировала пенитенциарная политика и какие основные вопросы вставали перед церковным начальством (сажать преступников под замок или выгонять из монастыря? помещать в темницу или переводить в другой монастырь?).

Однако самое главное достижение историографии последних лет состоит в том, что исследователи не ограничиваются изучением нормативных документов и сопоставляют нормы с тем, что известно об их практическом применении. Для этого они изучают такие источники, как отчеты о визитах, дисциплинарные постановления генеральных капитулов, епископские послания, прошения монахов, адресованные папской курии и т. д.; применительно к Новому времени к ним прибавляются дисциплинарные дела, акты судебных процессов, сохранившиеся в епархиальных архивах, автобиографии бывших монахов, переписка внутри религиозных орденов и т. д.¹ Между тем документы такого рода редки, разрознены, изучены плохо или вовсе не изучены по двум основным причинам: во-первых, после того как преступники понесли наказание, хранить соответствующие бумаги не имело смысла, а во-вторых, зачастую их уничтожали из боязни скандала². Эта тяга к утаиванию и замалчиванию, заметная уже в Средние века, возрастает в XVIII веке, когда светская администрация стремится подчинить монастыри своей власти. Напомним, например, об упразднении монастырских тюрем Марией-Терезией Австрийской в период между 1769 и 1771 годами или о расследовании, проведенном в 1783 году в венских монастырях по приказу императора Иосифа II. Ульрих Ленер приводит несколько случаев, когда настоятели не моргнув глазом лгали следователям, утверждая, что в их монастырях никаких

---

¹ Lehner 2013; Manning 2014; Lusset 2017.

² Lehner 2013. P. 1–10; Lusset 2017. P. 25–83.

тюрем нет¹. Как ни парадоксально, именно тот факт, что инстанции, посторонние по отношению к монастырям (епископы, генеральный капитул, король и император и т. д.), начиная с XII века вмешивались в выбор наказания для монахов, позволяет историкам приоткрыть двери монастырей и понять, как были устроены тамошние тюрьмы.

2. ЗАКЛЮЧЕНИЕ В МОНАСТЫРСКИЕ ТЮРЬМЫ НАЧИНАЯ С XIII ВЕКА: ВСЕОБЩЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Зафиксированное еще в поздней Античности, устройство тюрем внутри монастырей становится общепринятой нормой в XIII веке, когда многие монастыри объединяются в религиозные ордена и получают привилегию, освобождающую их от необходимости подчиняться епископам². Забрав в свои руки руководство дисциплинарной частью, генеральные капитулы религиозных орденов превращают тюрьму в основу монастырской пенитенциарной системы. Орден цистерцианцев первым (в 1206 году) провозглашает необходимость строительства тюрем, а в 1229 году объявляет, что в них необходимо заключать содомитов, воров, поджигателей, фальшивомонетчиков и убийц. В 1230-х годах орден белых каноников-премонстрантов требует от каждой провинции, чтобы в ней завели «тюрьму крепкую и прочную». Генеральный капитул доминиканцев, собравшийся в Болонье в 1238 году, отдает приказ об устройстве тюрем для вероотступников и возмутителей спокойствия³. Упомянутые впервые в статутах генерального капитула, изданных между 1222 и 1259 годами, тюрьмы не позднее 1280-х годов становятся повсеместным явлением у картезианцев. В Англии генеральный капитул каноников-августинцев объявляет постройку тюрем обязательной в 1276 году, а бенедиктинцы провинции Кентерберги — в 1279-м⁴. Умножение числа монастырских тюрем

¹ Lehner 2013. P. 7–10.

² Lusset 2017.

³ Hoyer 2018.

⁴ Ссылку на источники см. в: Lusset 2017. P. 263–264.

начиная с 1230-х годов происходит параллельно с аналогичными процессами в рамках других церковных юрисдикцией, а также юрисдикции светской¹. Тюремное заключение наряду с переводом в другой монастырь составляет единственное телесное наказание в монастырской пенитенциарной системе и, шире, в каноническом праве. Некоторые статуты уподобляют такое наказание для черного духовенства смертной казни для мирян².

Решающую роль в том, что начиная с XIII века заключение в монастырские тюрьмы приходит на смену изгнанию из монастыря, узаконенному уставами святого Августина или святого Бенедикта, сыграло папство. Начиная с VI века бенедиктинский устав утверждает понимание нищенствующего монаха как фигуры глубоко вредной и настаивает, что представители черного духовенства обязаны сохранять верность тому месту, где они возносят молитвы. Однако особенно сильным недоверие к странствующим монахам становится в XII–XIII веках. Считая бродяжничество опасным для Церкви, папы и всемирные соборы представляют то, что прежде считалось простым отклонением от нормы, вероотступничеством, преступлением против религии. В декреталии *Ne religiosi* (1227–1234) Григорий IX приказывает настоятелям ежегодно призывать к себе монахов беглых и изгнанных и находить им место в монастыре, если же они будут сопротивляться, отлучать их от церкви. Тюремное заключение монахов в декреталии не упомянуто, но там сказано, что нарушителей порядка следует помещать *in locis competentibus* — выражение, которое канонисты и монахи истолковывали как тюрьму или прочно запертую келью, где следует содержать непокорного брата. Начиная с 1230-х годов наблюдается сближение папского законодательства, канонической доктрины и монашеского права: все склоняются к тому, что нарушителей порядка нужно не изгонять, а сажать под замок. В уставах различных орденов это изменение фиксируется в XIV веке. Так, *Quinta distinctio statutorum* ордена премонстрантов (1322) гласит, что виновных в «преступлениях самых серьезных» следует не удалять из монастыря, предварительно

---

¹ Heullant-Donat et al. 2011.

² Lusset 2017. P. 264.

лишив монашеского платья, а сажать в тюрьму. Впрочем, тенденцию эту нельзя назвать всеобщей. Конечно, статуты мариебургских бенедиктинцев в 1437 году утверждают, что виновных в воровстве, насилии или святотатстве следует не изгонять, как то значится в уставе, а заключать в тюрьму, а генеральный капитул конгрегации реформированных бенедиктинцев Святой Иустины Падуанской в 1440 году предписывает наказывать неисправимых преступников тюремным заключением, однако уже год спустя тот же капитул уточняет, что в некоторых случаях эти преступники могут быть исключены из ордена и переведены в юрисдикцию епископа. Кроме того, наблюдается зазор между правилами и реальными практиками. В архивах английских епископов или папской курии содержатся прошения монахов, жалующихся на то, что их за проступки изгнали из монастыря¹.

Вопрос о том, как поступать с закоренелыми преступниками из числа монахов, остается не вполне решенным и в Новое время, когда религиозные ордена сохраняют, вследствие данных им привилегий и льгот, широкую автономию в том, что касается дисциплинарных взысканий. В декрете «о монахах и монахинях» 25-й сессии Тридентского собора (декабрь 1563 года) о судьбе монахов-преступников не говорится ни слова. При папе Пие V (1559–1565) Священная конгрегация собора постановляет, что генеральные прокуроры религиозных орденов должны заключать преступников в тюрьму, а не изгонять их, даже если выясняется, что они не подлежат исправлению². В 1687 году парижские бенедиктинки Божьей Матери Утешения в своих конституциях сетуют на то, что «более не дозволено прибегать к изгнанию, на какое славный наш Отец осудил неисправимых в 28-й статье своего священного установления, ибо Собор [Тридентский] и парламенты сие девам запретили», и предписывают заключать преступниц в тюрьму³. Тем не менее альтернатива тюрьма/изгнание продолжает обсуждаться вплоть до конца XVIII века. В бенедиктинской конгрегации Святого Ванна, как напоминает Огюстен Кальме в своем комментарии к уставу

¹ Lusset 2017. P. 232–234.

² Hurel 2011. P. 125.

³ Hurel 2015.

(1734), только генерал ордена имеет право поставить вопрос перед генеральным капитулом и некоторыми многоопытными монахами о процедуре изгнания, причем для этого нужно получить согласие ординарного епископа, ведь изгнанный монах попадает под его юрисдикцию¹. Историю монастырских тюрем в Новое время еще предстоит написать; сходным образом нуждается в анализе соотношение этого наказания с другими, такими как перевод в другой монастырь или отправка на галеры².

3. УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ В ТЮРЬМЕ

Прежде чем отправить преступника в *carcer* (самая суровая форма заключения), его могут содержать в «уединенном месте». Пространство это описано в сборнике обычаев аббатств Спрингерсбах и Клостеррат (XII век) как тесная комната, в которой едва может поместиться один-единственный человек. На ночь ее закрывают на засов; в ней имеется окно, чтобы дневной свет, проникая внутрь, «не позволял телесным тайникам плодить умственные потемки». Расплывчатость терминов, используемых для описания этого «места», доказывает, по всей вероятности, что в монастырях не было помещения, специально предназначенного для этой цели, и в качестве «уединенного места» использовали по мере необходимости одну из келий. В сборниках обычаев и статутах порой встречаются указания на условия заключения. Так, в сборнике обычаев аббатств Спрингерсбах и Клостеррат говорится, что заключенный монах должен спать на ложе из тростника или сена и питаться хлебом грубого помола прямо на полу, а в определенные дни недели обязан поститься. Заключенный не все время находится под замком; его регулярно выпускают из кельи, чтобы он присутствовал при ежедневных деяниях общины, не принимая, однако, в них участия. Так, в 1321 году одна цистерцианка убежала из Келдхоумского монастыря, нарушила обет невинности и выказала неповиновение; архиепископ Йоркский присудил ее к заключению

---

¹ Hurel 2011.

² Начиная с XVI века монахи, преступившие закон, могут быть лишены монашеского звания и приговорены к отправке на галеры (Lehner 2013. P. 65–66).

в келье; но в часы богослужений ей было разрешено выходить оттуда и занимать место на хорах, в самом последнем ряду. Каждую среду и пятницу ее босую приводили в залу капитула, и там настоятельница подвергала ее бичеванию. Срок заключения редко предписывался раз и навсегда; настоятель принимал решение об освобождении виновного в зависимости от того, как скоро тот выкажет признаки раскаяния.

Что же касается заключения в строгом смысле слова, то есть отправления преступника в *carcer*, ему подвергали тех, кто не желал исправиться. В наставлениях архиепископа Кентерберийского Джона Пекхэма каноникам-августинцам приората Ллантони Прима (1284) заключением в *carcer* предписано наказывать за «преступления чудовищные и явственные» (воровство, насилие, заговор, непослушание). Сходным образом генеральный капитул картезианцев в 1285 году предписывает отправлять в тюрьму поджигателей, фальшивомонетчиков, убийц и вероотступников¹. До самого конца XVIII века главы религиозных конгрегаций требуют устройства «надежных и прочных тюрем для помещения туда беглецов и вероотступников, людей непокорных и неисправимых»². Согласно статутам и конституциям, в *carcer* следует заключать только за самые серьезные преступления, однако из источников видно, что на практике таким образом наказывали и за мелкие проступки. Тюремное заключение превращается в уголовное наказание, если оно «продолжительно»; срок имеет значение. Поэтому нормативные источники указывают, что заключение должно быть пропорционально тяжести преступления. Генеральный капитул ордена цистерцианцев в 1478 году объясняет, что убийцы заслуживают «наказания более сурового и заключения более длительного, чем все прочие». Тяжкие преступления и отказ встать на путь исправления караются заключением в строгом смысле слова, порой пожизненным, но если преступник выказывает признаки раскаяния, условия заключения ему могут смягчить; порой дело кончается даже его освобождением³.

¹ Lusset 2017. P. 264.

² Hurel 2015.

³ Lusset 2017. P. 262.

В документах тюрьма обозначается терминами *carcer*, *ergastulum*, *prisio* или *camera fortis* или перифразами, которые подчеркивают, что это помещение закрытое, охраняемое и отдаленное (*locus secretus, firmus et tutus*). От «уединенного места» оно отличается своим устройством. Согласно сборникам обычаев Ульриха из Клюни и аббатства Хирзау (конец XI века), в эту комнату, не имеющую ни двери, ни окна, спускаются по лестнице обыкновенной или приставной. В сборнике обычаев аббатств Спрингерсбах и Клостеррат (XII век) описана маленькая комнатка, расположенная в самой секретной и самой надежно охраняемой части монастыря, куда входят «не через дверь, а по темной лестнице». За неимением планов, относящихся к средневековому периоду, трудно точно определить местонахождение этих тюрем. В некоторых цистерцианских аббатствах в качестве тюрьмы, по-видимому, использовалась комната, расположенная под лестницей, ведущей с внутренней галереи в спальню. А в бенедиктинском приорате в Дареме в XV веке, по всей вероятности, были устроены две тюрьмы: одна, для виновных в легких проступках, располагалась под лестницей, ведущей в спальню; в ней имелись окно и нужник; вторая (*lying house*), для виновных в преступлениях тяжких, находилась в подвале лечебницы. Туда попадали через дверь, запертую снаружи деревянным запором. Идентификация этих двух пространств основывается в основном на сведениях из сборников обычаев, которые отличают *carcer* от «уединенного места», а также на археологических раскопках¹. Тюрьмы эти лишены отчетливого архитектурного своеобразия и их трудно отличить от крипт и от помещений для хранения провизии. Зачастую единственными признаками, позволяющими думать, что данное помещение использовалось как тюрьма, оказываются вбитые в стену кольца или крохотное окошко².

Тюремное заключение было не единственным наказанием, которому подвергались монахи. Им могло грозить также телесное наказание (бичевание), ограничения в еде (порой их

---

¹ См., например, тюрьмы цистерцианского аббатства в Виллер-ан-Брабант (Coomans 2000).

² Lusset 2017. P. 261–262.

сажали на хлеб и воду), а непокорным или провинившимся вторично могли заковать руки и ноги в цепи¹. Тем не менее принимаются меры для ограничения излишней жестокости. Например, сборник обычаев бенедиктинского аббатства Тегернзее (XV век) предусматривает перевод узника в другое помещение в случае жестоких морозов или болезни. Согласно некоторым средневековым сборникам обычаев, если место заключения не приспособлено для удовлетворения гигиенических потребностей, заключенного обязаны регулярно отводить в лечебницу или другое соответствующее место, но так, чтобы он не имел возможности общаться с другими братьями. Если находящийся в тюрьме преступник отлучен от церкви, он не имеет права говорить ни с кем, включая даже возможных товарищей по заключению². В 1395 году настоятель аббатства Премонтре, приговорив к отправлению в тюрьму трех буйных и непокорных каноников аббатства Сери, специально уточняет, что их следует содержать так, чтобы они не могли общаться друг с другом.

Если согрешивших монахов заключают в тюрьму, требуются люди, которые бы отвечали за их охрану и содержание. В конституциях Ланфранка (XI век) упомянут монах, обязанный отводить преступника в место заключения и хранить ключи от него³. В XVIII веке статуты испанских босоногих кармелитов указывают, что надзор за заключенными возлагается на одного из членов общины и именно он будет нести ответственность в случае смерти узника. Тем не менее сторожу запрещается давать заключенным дополнительное пропитание, а также письменные принадлежности. В случае побега суровые кары (отлучение от церкви, тюрьма) грозят сообщникам, сторожам и настоятелям⁴.

Хотя узника и изолируют от остальных монахов, его не следует оставлять в полном одиночестве. Начиная с XI века сборники обычаев предписывают настоятелям поручать старшим из братьев морально поддерживать узников, чтобы они не впали

¹ Lehner 2013. P. 21.

² О различных формах отлучения, каким могут подвергнуться монахи, совершившие преступление, см.: Lusset 2017. P. 236–245.

³ Ibid. P. 268.

⁴ Ibid. P. 269; Lehner 2013. P. 13.

в отчаяние. Согласно статутам испанских тринитариев (1738), условия содержания в монастырской тюрьме не должны быть слишком суровы: настоятель должен снабжать узника книгами — но не письменными принадлежностями¹. Если те, кто отправлен в «уединенное место», имеют право присутствовать на богослужениях, с теми, кто содержится в *carcer*, дело обстоит сложнее, во всяком случае в Средние века. Некоторые тексты настаивают на том, что этим преступникам следует оказывать духовную поддержку. Так, во время посещения августинского приората в Бург-Ашаре в 1266 году архиепископ Руанский Эд Риго просит настоятеля предоставить заключенному в тюрьму канонику бревиарий или другую книгу, чтобы он смог соблюдать богослужебные часы и молиться. Настоятель обязан также раз в неделю исповедовать заключенного и причащать его. Напротив, в других сводах правил указывается, что причащать узников не положено. В 1495 году двух цистерцианцев из Шаливуа (Буржская епархия), виновных в убийстве, отлучают от причастия до тех пор, пока они не выйдут на свободу. Вопрос о том, следует ли совершать обряд евхаристии над преступниками, содержащимися в *carcer*, составляет, кажется, неразрешимую проблему. В своем наставлении для исповедников (около 1214 года) Томас из Чобема утверждает, что гостию, телу Христову, не место в тюрьме, подобной зловонной яме; вкушать ее вправе только человек, вышедший на свободу. Сходным образом кодекс ордена Премонстрантов (1505) запрещает узникам причащаться внутри тюрьмы. Из почтения в Святому причастию их следует вначале освободить от цепей и вывести на свет божий, а затем причащать либо перед входом в узилище, либо в особом месте².

В некоторых монастырях ради спасения души заключенных принимаются специальные архитектурные решения. В регенсбургском картезианском монастыре в XVII–XVIII веках тюрьму устраивают неподалеку от хоров, чтобы узники могли слышать мессу³. На двух планах картезианского монастыря в Пор-Сен-Мари (Овернь), 1676 года и 1790 годов, указано местонахождение

---

¹ Lehner 2013. P. 21.

² Lusset 2017. P. 268–269.

³ Lehner 2013. P. 22.

тюрьмы для монахов: на первом она располагается в северной части церкви, на втором в картуше значатся «три темницы для монахов», «попасть в которые можно из кельи ризничего. В одной из них проделано было окошко, чтобы узник мог слышать мессу»¹. В докладах австрийских имперских следователей (1783) говорится, что монахи, заключенные в тюрьму в венском капуцинском монастыре, содержатся в восьми кельях первого этажа, в каждой из которых есть окно. Пять раз в год мессу служат на малом алтаре, и, открыв дверь, узники могут увидеть эту церемонию. Они получают святое причастие, покаявшись в грехах, а при отказе подвергаются бичеванию². Примерно так же содержались заключенные в картезианском монастыре Вильнев-лез-Авиньон: там семь келий по дюжине квадратных метров каждая располагались на двух уровнях. Со стороны алтаря в них были проделаны слуховые окна, благодаря чему заключенные монахи могли слышать мессу, не покидая келий³.

В конце XVIII века в реформированных орденах условия содержания провинившихся монахов, насколько можно судить, сделались мягче, тогда как в орденах традиционных по-прежнему были в ходу сырые подземные камеры. Конституции бенедиктинской конгрегации Святого Мавра (1770) гласят, что темницу следует устраивать в комнате «надежно запертой, хорошо освещенной и чистой, где узники <...> могли бы читать благочестивые книги и трудиться»; впрочем, именно эту конгрегацию за обращение с узниками резко осуждал в конце XVII века Жан Мабийон⁴.

4. ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ТЮРЕМ ДЛЯ МОНАХОВ ВНУТРИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРДЕНОВ

Хотя генеральные капитулы начиная с XIII века предписывают устройство тюрем в каждом монастыре, предписания эти выполняются далеко не всегда. У картезианцев, например,

¹ Le Seigneur 2008.

² Lehner 2013. P. 22.

³ Heullant-Donat et al. 2018: http://cloitreprison.fr/chapitre8-quartier-disciplinaire/8-2_punir-au-monastere.html.

⁴ Lehner 2013. P. 28.

генеральный капитул в XIV веке регулярно призывает к порядку настоятелей, а инспекторов, объезжающих картезианские монастыри с визитами, уполномочивает проверять, в каждом ли из них оборудована тюрьма. В 1375 году он приговаривает настоятелей, которые так и не устроили у себя *carcer* или не переоборудовали его, к уплате штрафа в 12 флоринов, — а два года спустя повторяет этот вердикт. Сходное своеволие наблюдается и в монастырях цистерцианского ордена. Настоятель Балернского аббатства, посланный в 1486 году с визитом в Шезери (епархия Белле), отмечает, что в этом монастыре тюрьмы нет и никого наказаниям не подвергают. Подобной непокорностью или небрежностью отличаются не только «старые» цистерцианский и картезианский ордена, то же самое наблюдается и в монастырях реформированных бенедиктинцев. В 1440 году генеральный капитул конгрегации Святой Иустины Падуанской предписывает оборудовать в каждом монастыре тюрьму «крепкую, чистую и порядочную». В 1450 году, а затем в 1490-м он повторяет предписание, поскольку выполнили его отнюдь не везде. Он грозит тем настоятелям, которые не подчинятся, лишить их голоса в генеральном капитуле.

Из-за недостатка темниц или места для них монастырским тюрьмам могут находить замену. В конце Средневековья настоятели Ключийского аббатства регулярно использовали для этого один из принадлежащих им замков — расположенный в пяти километрах от Ключи Лурдон, откуда аббаты управляли окрестной местностью. В документах иногда встречаются намеки на то, что преступных монахов отправляли в тюрьмы епископские и даже коммунальные. В 1341 году, например, флорентийские бенедиктинцы из аббатства Санта Мария (Badia Fiorentina) отправляют монаха, которого подозревают в убийстве викария, в коммунальную тюрьму Стинче. В монастыре достаточно надежного узилища не нашлось, и монахи, боясь, как бы убийца не сбежал с помощью своих родственников, предпочли поместить его в коммунальную тюрьму, где имелось несколько камер и специально обученный персонал¹. Вообще

---

¹ Geltner 2011; Lusset 2017. P. 264–265; Heullant-Donat et al. 2018: http://cloitreprison.fr/chapitre1-mur/1-4_diversite-lieux.html.

такое сотрудничество средневековой церковной и светской судебных инстанций, выразившееся, в частности, в предоставлении помещений для подсудимых и приговоренных, было не редкостью¹.

Некоторые ордена решают проблему помещений и персонала иначе — они устраивают для заключенных централизованные тюрьмы. В 1286 году генеральный капитул Ключийского ордена предписывает каждой провинции оборудовать тюрьму на деньги местных приоратов. В 1289 году генеральный капитул картезианцев предписывает трем соседним монастырям устроить одну общую тюрьму на всех. Впоследствии излюбленным местом заключения стал Большой картезианский монастырь (Grande Chartreuse). Однако платить за содержание заключенных был обязан их родной монастырь, и потому генеральному капитулу приходится ежегодно пенять неисправным плательщикам. В 1496 году он устанавливает твердый тариф для каждого монаха, содержащегося в тюрьме главного монастыря (один дукат в месяц), — тот же тариф сохраняется и при кодификации 1509 года. Генеральный капитул премонстрантов, в XIII веке потребовавший, чтобы каждая провинция завела у себя по крайней мере одну тюрьму, в 1502 году предписывает постройку центральной тюрьмы рядом с аббатством Сен-Мартен в Лане и кладет тюремщику сто солей жалованья в год².

Та же тенденция к централизации содержания узников наблюдается в Новое время у австрийских францисканцев и капуцинов, в монастырях венецианских францисканцев или у картезианцев. Регенсбургский картезианский монастырь, например, принимает преступников из Эль-Паулара, Эрфурта и Данцига³. В Ключийском ордене роль тюрьмы постоянно играют несколько монастырей: в 1672 году Сен-Марсель в Шалоне, около 1693 года — Куэнси. Генеральный капитул 1701 года четко называет в числе монастырских тюрем такие монастыри, как аббатство Ключи, монастырь Святого Мартина в Полях, аббатства в Куэнси, Ла Вут-Шийяке и Ганагоби, иначе говоря, четыре монастыря

¹ Charageat et al. (в печати).

² Lusset. P. 265–266.

³ Lehner 2013. P. 20.

строгого соблюдения и один — древнего обряда. В конгрегации Святого Мавра самых непокорных монахов отправляют в аббатство Мон-Сен-Мишель, слывшее «морской бастилией» еще до того, как в XIX веке здесь устроили тюрьму для осужденных на длительные сроки¹.

5. ОТНОШЕНИЕ К НАКАЗАНИЮ ТЮРЕМНЫМ ЗАКЛЮЧЕНИЕМ

Хотя наказание тюремным заключением становится все более и более распространенным, оно продолжает вызывать вопросы и сопротивление. Начиная с XIII века канонисты утверждают, что высшее духовное лицо, назначающее наказание низшему (в том числе заключающее его в тюрьму), не должно ни подвергаться автоматическому отлучению от церкви, ни считаться иррегулярным². Так, францисканец Джон Пекхэм считает, что прелат, создавший для заключенного условия, приведшие к его смерти, не должен считаться иррегулярным³. Тем не менее в XV веке некоторые настоятели продолжают адресовать папской курии прошения, с тем чтобы убедиться, что они не отлучены от церкви и не считаются иррегулярными⁴. Дискуссии продолжатся в Новое время: многочисленные канонисты, такие как Томас Санчес (1550–1610), Просперо Фаньяни (ум. 1661) или Леопольд Пилати (1705–1755), обсуждают вопрос о том, следует ли считать убийцей прелата (настоятеля, аббата или приора), допустившего гибель заключенного в тюрьме⁵.

Дело в том, что начиная с XIII века церковные власти рассматривают дурное обращение с заключенными и неправомерное назначение наказания в виде заключения в тюрьму как злоупотребления⁶, и во время визитов инспекторы строго

¹ Hurel 2011.

² Иррегулярность есть такое состояние, которое вследствие некоего поступка или недостатка влечет за собой запрет на рукоположение в священнослужители и на совершение богослужения.

³ Marmursztein 2011.

⁴ Lusset 2017. P. 269–270.

⁵ Lehner 2013. P. 25–26.

⁶ Lemesle 2012.

следят за условиями содержания в темницах. В 1279 году во время визита в бенедиктинский приорат Бардни посланцы архиепископа Кентерберийского выводят из узилища заключенных туда монахов и спрашивают у них, «кто они, по какой причине и с какого времени здесь находятся и как их содержат?». Порой заключенные пользуются случаем пожаловаться на мотивы и условия тюремного заключения. В 1319 году Уильям де Рос, бенедиктинский монах из Глостера, приносит епископу Вустерскому жалобу на своего аббата, который без законной причины посадил его под замок и содержал в очень суровых условиях, лишая порядочного обращения, возможности читать книги, говорить с монахами, подвергаться кровопусканию и прочим вещам, необходимым для достоинства человеческого и монашеского. Устанавливаются специальные процедуры надзора, такие, например, как в 1494 году в Бурсфельдской реформированной конгрегации: если аббат решается посадить преступника под замок, прибывшие с визитом обязаны отправиться на место происшествия и узнать, объясняется ли проступок монаха одним лишь его грехом или же в нем виновен настоятель, дурно управляющий монастырем¹.

Отчеты о епископских визитах, равно как и прошения, отправленные в папскую курию, содержат порой жалобы монахов, показывающие, как тяжело переносили эти люди, хотя и привыкшие жить взаперти в монастыре, тюремное заключение. В 1413 году апостольская канцелярия получает прошение от Джона Эндрю (Бозарда), бывшего приора августинского приората Крайстчёрч в Твайнхеме. Его обвинили в заговоре против нового приора и приговорили к пожизненному тюремному заключению. Он сумел бежать и оправдывает свое бегство тем, что после трех лет, проведенных в смрадной темнице, начал бояться за свою жизнь. Разумеется, обличение невыносимых условий содержания призвано извинить бегство, которое по всем законам карается очень строго, но оно свидетельствует также и о том, как ужасна тюрьма. В этом случае, как и во многих других, заключенные протестуют против несправедливости, против произвола настоятелей, а равно и против причиненных

¹ Lusset 2017. P. 270.

им физических страданий (холод, голод, темнота, пыточные условия существования в тесноте). Особенно резкую критику вызывает, наряду с плотскими мучениями, позорный характер тюремного заключения. Так, Элипда Виллебайон, бенедиктинка из Суассонской епархии, в 1371 году обращается к папе Григорию XI с жалобой на свою аббатису, которая по злобе заключила ее «в ужаснейшую темницу и обрекла на тяжкие лишения, словно преступницу». Мало того что тюремное заключение подвергает опасности физическое здоровье монаха, оно еще и наносит урон его чести¹.

Многочисленные документы свидетельствуют о враждебном отношении монахов к наказанию тюремным заключением. Конечно, оно вписывается в древнюю традицию, восходящую к пребыванию святого Петра *ad vincula*, к рассказам о христианских мучениках, страждущих в темницах, а также к агиографическим текстам, изображающим святых, которые проходят испытание тюрьмой или чудесным образом освобождают из темницы несправедливо заключенных туда невинных людей². Однако, если судить по прошениям монахов, тюремные страдания не преобразуются в испытание добродетели, они не ведут к святости. Напротив, прошения эти, по примеру средневековых тюремных рассказов, сообщают о «неустройстве», то есть об унынии узников, не видящих никакого сострадания и никакой поддержки³. Жан Мабийон протестует именно против этого, когда описывает негуманные условия содержания заключенных в конгрегации Святого Мавра в конце XVII века.

За последние десять лет обновление историографии способствовало выходу монастырских тюрем из тени, в которой они находились прежде по разным причинам: и потому, что исследователи опасались скандала, и потому, что документация по этому вопросу носит разрозненный и фрагментарный характер. Современные работы, выйдя за рамки строгого интернализма

---

¹ Ibid. P. 271–27; Lehner 2013. P. 18–20.

² Cassidy-Welch 2011.

³ Claustre 2011.

и сосредоточенности исключительно на нормативных источниках, показали, как активно насаждаются монастырские тюрьмы в XIII веке, когда многочисленные монастыри объединяются в религиозные ордена и получают привилегии, освобождающие их от необходимости подчиняться епископам. Получив полную власть в дисциплинарной области, главы орденов превращают тюрьмы в основание монастырской пенитенциарной системы, каковой они и остаются до конца XVIII века. Изучение прагматической документации позволило уточнить условия содержания монахов (помещения, обхождение с узниками, питание, сторожа, духовное окормление) и показать, как религиозные ордена устраивали тюрьмы для монахов, порой идя на сотрудничество с другими судебными инстанциями, а порой отправляя преступников в централизованные тюрьмы, оборудованные в одном или нескольких монастырях ордена. Параллельное чтение работ, посвященных тюрьмам в Средние века и в Новое время, позволяет также убедиться, что, несмотря на реформаторские движения конца Средних веков и Реформации, а также процесс секуляризации и порожденные всем этим потрясения, наблюдается примечательная преемственность в устройстве этих тюрем с XIII до XVIII века. Хотя произвол настоятелей, униженный характер заключения, а главное, его несправедливость возбуждают немало нареканий, тюремное заключение остается наиболее распространенным наказанием в самых разных орденах, включая Общество Иисуса (хотя в своих конституциях иезуиты осуждали эту меру)¹.

Наконец, обновление историографии позволило разрушить черную легенду о монастырских тюрьмах, долгое время отождествлявшихся с *vade in pace* — темными и смрадными подземными темницами, церковными *каменными мешками*, в которых до самой смерти мучились согрешившие монахи, — легенду, популяризованную в XVIII веке «Энциклопедией» и революционным театром, а затем, в XIX веке, романтиками².

Перевод с французского Веры Мильчиной

¹ Manning 2014.

² Lusset (в печати).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Abdela 2019 — *Abdela S.* La prison parisienne au 18e siècle. Formes et réformes. Paris, 2019.
- Beaulande-Barraud 2011 — *Beaulande-Barraud V.* Au pain de douleur et à l'eau de tristesse. Prison pénale, prison pénitentielle dans les sentences de l'officialité à la fin du Moyen Âge // Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E. (Ed.) *Enfermements. Le cloître et la prison (5e–18e siècle)*. Paris, 2011. P. 289–303.
- Cassidy-Welch 2001 — *Cassidy-Welch M.* Monastic Spaces and their Meanings. Thirteenth-Century English Cistercian Monasteries. Turnhout, 2001.
- Cassidy-Welch 2011 — *Cassidy-Welch M.* Imprisonment in the Medieval Religious Imagination, с. 1150–1400. New York, 2011.
- Castan et al. 1991 — *Castan N., Faugeron C., Petit J.-G., Perrot M.* Histoire des galères, des bagnes et prisons 13e–20e siècles, Introduction à l'histoire pénale de la France. Toulouse, 1991.
- Cavero Domínguez 2017 — *Cavero Domínguez G.* Penal cloistering in Spain in the sixth and seventh centuries // *Journal of Medieval Iberian Studies*. 2017. Vol. 9. P. 1–24.
- Charageat et al. (в печати) — *Charageat M., Lusset E., Vivas M.* (Ed.) Les espaces carcéraux au Moyen Âge: approche interdisciplinaire des territoires et des matérialités de l'incarcération médiévale. Bordeaux.
- Claustre 2007 — *Claustre J.* Dans les geôles du roi. L'emprisonnement pour dette à Paris à la fin du Moyen Âge. Paris, 2007.
- Claustre 2012 — *Claustre J.* La prison de «desconfort». Remarques sur la prison et la peine à la fin du Moyen Âge // *Derasse N., Humbert S., Royer J.-P.* (Ed.) *La prison: Du temps passé au temps dépassé*. Paris, 2012. P. 19–44.
- Coomans 2000 — *Coomans T.* L'abbaye de Villers-en-Brabant: construction, configuration et signification d'une abbaye cistercienne gothique. Bruxelles, 2000.
- Cyglar 2002 — *Cyglar F.* Das Generalkapitel im hohen Mittelalter. Cisterzienser, Præmonstratenser, Kartäuser und Clunienser. Münster, 2002.
- Dannenberg 2008 — *Dannenberg L.-A.* Das Recht der Religiösen in der Kanonistik des 12. und 13. Jahrhunderts. Münster, 2008.
- Dunbabin 2002 — *Dunbabin J.* Captivity and Imprisonment in Medieval Europe, 1000–1300, Basingstoke, 2002.
- Füser 2000 — *Füser T.* Mönche im Konflikt, Zum Spannungsfeld vom Norm, Devianz und Sanktion bei den Cisterziensern und Cluniensern (12. bis frühes 14. Jahrhundert). Münster, 2000.
- Geltner 2008a — *Geltner G.* Detrusio. Penal Cloistering in the Middle Ages // *Revue bénédictine*. 2008. Vol. 118. P. 89–108.
- Geltner 2008b — *Geltner G.* Medieval Prison: A Social History. Princeton, 2008.
- Geltner 2011 — *Geltner G.* Isola non isolata. Le Stinche in the Middle Ages // *Annali di storia di Firenze*. 2011. Vol. 3. P. 7–28. En ligne. https://www.storiadifirenze.org/pdf_ex_eprints/01_geltner.pdf.
- Given 2011 — *Given J.B.* Dans l'ombre de la prison. La prison de l'Inquisition dans la société languedocienne // Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E. (Ed.) *Enfermements. Le cloître et la prison (5e–18e siècle)*. Paris, 2011. P. 305–320.
- Heullant-Donat et al. 2011 — *Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E.* (Ed.) *Enfermements. Le cloître et la prison (5e–18e siècle)*. Paris, 2011.

- Heullant-Donat et al. 2017 — *Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E.* Nouvelles perspectives sur les enfermements // *Crime, histoire & sociétés.* 2017. № 2 (spécial). P. 287–296.
- Heullant-Donat et al. 2015 — *Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E., Bretschneider F.* (Ed.) *Enfermements II. Règles et dérèglements en milieu clos (4e–19e siècle).* Paris, 2015.
- Heullant-Donat et al. 2017 — *Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E., Bretschneider F.* (Ed.) *Enfermements III. Le genre enfermé. Hommes et femmes en milieux clos (13e–20e siècle).* Paris, 2017.
- Heullant-Donat et al. 2018 — *Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E., Bretschneider F.* (Ed.) *Webdocumentaire Le cloître et la prison. Les espaces de l'enfermement.* 2018. En ligne: <http://cloitreprison.fr>.
- Hillner 2007 — *Hillner J.* Monastic Imprisonment in Justinian's Novels // *Journal of Early Christian Studies.* 2007. Vol. 15/2. P. 205–237.
- Hillner 2015 — *Hillner J.* *Prison, Punishment and Penance in Late Antiquity.* Cambridge, 2015.
- Hoyer 2018 — *Hoyer W.* *Volumus ut carceres fiant. Medieval Dominican Legislation on Detention and Imprisonment* // Linde C. (Ed.) *Making and breaking the rules: Discussion, implementation, and consequences of Dominican legislation.* Oxford, 2018. P. 323–347.
- Hurel 2011 — *Hurel D.-O.* La prison et la charité: les enjeux contradictoires de l'enfermement pour faute grave dans l'ordre de Saint-Benoît à l'époque moderne // *Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E.* (Ed.) *Enfermements. Le cloître et la prison (5e–18e siècle).* Paris, 2011. P. 110–133.
- Hurel 2015 — *Hurel D.-O.* De la règle de saint Benoît à la pratique réglementaire pénitentielle chez les bénédictins et bénédictines des 16e–19e siècles: traductions, relectures et interprétations // *Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E., Bretschneider F.* (Ed.) *Enfermements II. Règles et dérèglements en milieu clos (4e–19e siècle).* Paris, 2015. P. 189–211.
- Johnston 2000 — *Johnston N.* *Forms of Constraint, A History of Prison Architecture.* Chicago, 2000.
- Jong 2001 — *Jong M.* *de Monastic Prisoners or Opting Out? Political Coercion and Honor in the Frankish Kingdoms* // de Jong M., Theuvs F., van Rhijn C. (Ed.) *Topographies of Power in the Early Middle Ages.* Leyde, 2001. P. 291–328.
- Le Seigneur 2008 — *Le Seigneur P.-J.* *La chartreuse d'Aillon* // *Analecta Cartusiana.* 2008. Vol. 261.
- Leclercq 1971 — *Leclercq J.* Le cloître est-il une prison? // *Revue d'ascétique et de mystique.* 1971. Vol. 47. P. 407–420.
- Leclercq 1976 — *Leclercq J.* *Libérez les prisonniers. Du bon larron à Jean XXIII.* Paris, 1976.
- Lehner 2013 — *Lehner U.L.* *Monastic Prisons and Torture Chambers. Crime and Punishment in Central European Monasteries, 1600–1800.* Eugene, OR, 2013.
- Lemesle 2012 — *Lemesle B.* *Emprisonnements abusifs et emprisonnements punitifs à travers les lettres pontificales d'Alexandre III (1159–1181) et d'Innocent III (1198–1216)* // Fritz J.-M., Menegalo S. (Ed.) *Réalités, images, écritures de la prison au Moyen Âge.* Dijon, 2012. P. 189–205.
- Logan 1996 — *Logan F.* *Runaway religious in Medieval England, c. 1240–1540.* Cambridge: Cup, 1996.

- Lusset (в печати) — *Lusset É.* Vade in pace. La fortune historiographique et littéraire du cachot et de la prison monastique du Moyen Âge au 20e siècle // *Revue historique*.
- Lusset 2017 — *Lusset É.* Crime, châtement et grâce dans les monastères au Moyen Âge (12e–15e siècle). Turnhout, 2017.
- Manning 2014 — *Manning P. W.* Disciplining Brothers in the Seventeenth-Century Jesuit Province of Aragon // *Renaissance and Reformation*. 2014. Vol. 37/2. P. 115–139.
- Marmursztejn 2011 — *Marmursztejn E.*, Issues obligatoires. Clôture et incarcération dans la pensée scolastique des 13e–14e siècles // Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E. (Ed.) *Enfermements. Le cloître et la prison (5e–18e siècle)*. Paris, 2011. P. 71–87.
- Morris, Rothman 1995 — *Morris N., Rothman D. J.* (Ed.) *The Oxford History of the Prison: The Practice of Punishment in Western Society*. Oxford, 1995.
- Oberste 1996 — *Oberste J.* Visitation und Ordensorganisation. Formen sozialer Normierung, Kontrolle und Kommunikation bei Cisterziensern, Prämonstratensern und Cluniazensern (12. — frühes 14. Jahrhundert). Münster, 1996.
- Pacho 1975 — *Pacho E.* Carcere e vita religiosa // *Dizionario degli Istituti di Perfezione*. Rome, 1975. Vol. 2. P. 261–276.
- Penco 1966 — *Penco G.* Monasterium — Carcer // *Studia Monastica*. 1966. Vol. 8. P. 133–143.
- Pugh 1968 — *Pugh R. B.* *Imprisonment in Medieval England*. Cambridge, 1968.
- Reno 2017 — *Reno E.* Ad agendam penitentiam perpetuam detrudatur: Monastic Incarceration of Adulterous Women in Thirteenth-Century Canonical Jurisprudence // *Traditio*. 2017. Vol. 72. P. 301–340.
- Saule 2016 — *Saule K.* L'officialité de Beauvais et l'enfermement des curés délinquants au 17e siècle: entre rigueur et indulgence // Beaulande-Barraud V., Charageat M. (Ed.) *Les officialités dans l'Europe médiévale et moderne. Des tribunaux pour une société chrétienne*. Turnhout, 2014. P. 205–224.
- Spierenburg 1991 — *Spierenburg P.* *The Prison Experience. Disciplinary Institutions in Early Modern Europe*. New Brunswick, 1991.